

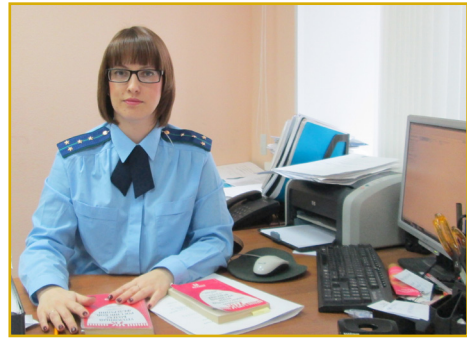
Особенности восприятия и существенные противоречия правореализационного процесса с точки зрения интуитивного подхода и складывающейся судебной практики

Выражение «право регулирует бытовые отношения» может, пожалуй, вызвать представление, будто право может что-то непосредственно делать с «бытовыми отношениями», что оно какой-то сильный и вездесущий субъект, который на улице, в семейных домах и т.п. заводит какие-то порядки, разбирает дерущихся, ловит и наказывает преступников и т.п., – то же ложное представление, которое связано с разными формулами теорий принуждения, например, изречениями Иеринга и других, что право состоит из норм и принуждения, что юридические нормы обладают силой принуждения и исполнения, с теорией, видящей в праве «защиту интересов» и т.п.»¹.

Это утверждение Л. И. Петражицкого неоднозначно воспринималось как учеными прошлого, так и настоящего времени. Факт господства правовых норм в общественных и межличностных отношениях одно из самых основных направлений для развития гармоничного общества. В идеале любая система отношений должна строиться на однозначном диктате права, закона. И с точки зрения морали это и есть то, к чему мы все стремимся. Но возникает вопрос вместе с этим, не перекладываем ли мы всю ответственность за наши решения на норму права?

Как писал Н.М. Коркунов – «право делало возможным сосуществование индивидов, совмещение ими свободы». Определяя процесс становления права, правовед отмечал, что первоначально право существовало в виде типичных связей между конкретными людьми, вынужденными согласовывать свои интересы в обществе².

Законы – это некое обличие норм права, которые в каждом государстве определяют по-разному. И мы, не исключение. Так, российская система права – одна из самых универсальных и многогранных. Но, вместе с тем, не всегда правовые нормы сопоставимы с потребностями и представлениями каждого человека. По сути, законы это продукт «человеческого ума» и мысли. Принимая и соглашаясь с ними, мы исполняем их, хотя зачастую считаем себя не согласными с ними.

Л.С. Золотарева

*Помощник Арзамасского городского прокурора
Нижегородской области,
юрист 1 класса, кандидат юридических наук*

«По господствующему воззрению, существо юридических фактов состоит в том, что они обуславливают возникновение и существование юридических отношений, что они «производят», «вызывают» юридические отношения и т.п.»³.

Во многом, это некая удобная позиция для правоприменителей, когда есть некая формула правовых отношений, которую каждый «облекает» в ту или иную конкретную ситуацию. Бывает, однако, когда одна и та же ситуация трактуется по-разному. Наиболее ярко, это можно продемонстрировать на примере судебной практики.

Так, например, лицо, у которого при себе сотрудники полиции обнаруживают и изымают наркотические средства, должно нести уголовную ответственность за это и соответствующее наказание, что предусмотрено действующим уголовным кодексом. Только таким образом можно сформировать правильное отношение человека и уважение к закону, нравственности. Вместе с тем, на практике есть случаи, когда даже в такой, казалось бы, однозначной с точки зрения уголовного закона ситуации и негативных последствий для виновника, суд, применив также нормы права сделает возможным отсутствие таких негативных последствий, как его осуждение. Так, в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса. В ч. 4 ст. 88 УПК говорится: «Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса». Процедура исключения недопустимого доказательства в суде достаточно разработана. Если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательства, то судья на предварительном слушании должен выяснить у другой стороны, имеются ли у нее возражения против данного ходатайства. При отсутствии возражений судья удовлетворяет ходатайство (ч. 5 ст. 234 УПК)⁴.

Рассматривая уголовное дело суд, приняв такое решения о признании доказательств недопустимыми, очевидно делает невозможным дальнейшее уголовное преследование виновного в рассматриваемой правовой ситуации. И при этом, надо отметить, что решение суд принимает на основе закона. Так скла-

дывается порой судебная практика, то есть фактически применение норм права на практике, что затрудняет и порой приводит даже к более пагубным последствиям, как безнаказанность за совершение преступления.

Так, уже Коркунов Н. М., изучая понятие законодательства, отмечал, что юридические нормы не могут в форме обычая и в судебной практики найти себе общего и достаточного определенного выражения. Эти недостатки все сильнее ощущаются по мере развития общественной жизни и возникновения более сложных и разнообразных отношений. Государственная власть, призванная поддерживать и охранять господство права, не может примириться с таким положением дела. Как только она достаточно окрепнет и организуется, она везде стремится сформулировать общие положения или законы. Таким образом, обязательность законов в том, что они издаются властью, могущей, с одной стороны, принудительным образом поддержать их существование в жизни посредством целой системы органов, а с другой стороны являющееся в глазах массы авторитетом и потому каждое веление которой вызывает инстинктивное себе повиновение⁵.

Председатель Конституционного суда РФ Зорькин В.Д. в своем недавнем выступлении отмечает также, что на современном этапе развития общества задачей собственно юридической является отказ от тотальности юридического позитивизма. Радикальный характер позитивистских юридических норм, противоречащих укорененным в спонтанных социальных порядках массовым общественным представлениям о справедливом и должном, неизбежно создает в обществе острое моральное, социальное или даже политическое напряжение, вплоть до разрыва единой социальной ткани и общественного сдвига к своего рода «нормативной войне». Если сдвинуться в эту сторону, то никакие безусловно, необходимые, завоевания в сфере правоприменения не позволят свести концы с концами, привести к какому-то соответствию спонтанные и нормативный порядки. Кроме того, он подчеркивает, что это не только российская, но и общемировая проблема. Неслучайны регулярные обращения многих современных юридических концепций к попыткам совместить и в правотворчестве, и в правоприменении позитивные и спонтанные нормы. Для России проблема этого совмещения, в силу исторической краткости нынешнего этапа трансформации прежних спонтанных социальных порядков, имеет особое значение⁶.

Концептуальные воззрения многих ученых относительно верного подхода к правоприменительному процессу всегда вызывает спорные и дискуссионные мнения. И в основном они базируются на складывающейся судебной практике и других правоприменительных актах. Они разнообразны и именно они ложатся в основу современных учений о праве, а также способствуют развитию тех или иных тенденций.

Немаловажным в этом процессе является определения грани, которая, по сути, служит неким базисом для достижения баланса между строгим соблюдением законов и интересов каждого человека и в идеале способствует позитивной правореализации в обществе и государстве. Ведь если, такого баланса не будет, то имеет ли будущее такая система правоотношений. Отрицание очевидных недостатков в правоприменительном процессе ставит под сомнение существование правовых норм, как по отдельности, так и целых правовых систем, так как сложность самого процесса связана с пониманием этой необходимости и постоянным стремлением к его совершенствованию.

«Пределы судебного усмотрения ограничиваются рамками закона. Руководствуясь справедливостью, суд может разрешить спор и «вопреки закону», однако такое решение не будет иметь обязательный характер. Тем не менее, судебные решения не рассматриваются, кроме чрезвычайных случаев, как фиксация норм права. Вместе с тем, современное

развитие научной мысли привело к увеличению влияния социологического направления понимания права в странах романо-германской правовой семьи. Сами по себе акты высших судов обладают авторитетом, однако большее значение имеет некий принцип, выводимый из ряда решений по подобным делам, что позволяет отнести их к прецедентам»⁷.

Каждый человек, по сути, совершая тот или иной поступок в обычной жизни, подсознательно или осознанно оценивает его с точки зрения права в том смысле, как он его понимает и толкует в силу своего правового восприятия и воспитания. Зачастую вредным и неправильным можно назвать односторонне и односторонне в буквальном смысле этого слова понимание той или иной ситуации с житейской, а не правовой точки зрения.

Основная задача любого правоприменителя должна быть связана не только с неукоснительным соблюдением норм права, но и необходимостью сохранения приоритета права перед другими основополагающими и немаловажными аспектами в их взаимосвязи.

Таким образом, правоприменительный процесс – сложная форма реализации права, включающая в себя ряд факторов идеологического, морального, психологического действия, выступающая и необходимым условием сохранения на должном уровне жизнеобеспеченности и жизнедеятельности человеческого социума. ■

1. См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства. СПб.:Гос. Университет, 2000.С. 283.

2. См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Спб., 1892. С. 228.

3. См.: Петражицкий Л. И. Указ. соч .С. 284.

4. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2017.

5. См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Спб., 1890. С. 276, 278.

6. См.: Зорькин В.Д. «Правоприменение как стратегическая проблема. О том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России». Доклад на научно-практической конференции по проблемам мониторинга правоприменения. (г. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2010 года)[http://: www.ksrf.ru](http://www.ksrf.ru).

7. См.:Черкасова Е. В. Роль понимания права в формировании прецедентной практики: теоретико-методологические аспекты. Автореф. дисс. канд. юрид. наук.– М., 2006.